

Академик Г. И. БУДЖЕР

ОЧЕРКИ ВОСПОМИНАНИЯ

Ответственный редактор
академик А. Н. СКРИНСКИЙ

Редакционная коллегия выпуска

члены-корреспонденты АН СССР Г. И. ДИМОВ, Э. П. КРУГЛЯКОВ,
Д. Д. РЮТОВ, В. А. СИДОРОВ, Б. В. ЧИРИКОВ,
доктор физико-математических наук И. Н. МЕШКОВ

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

целей. Появился высококвалифицированный теоретический отдел во главе с С. Т. Беляевым.

Именно в Новосибирске я ближе сошелся с Андреем Михайловичем не только в научном, но и в человеческом плане. Он рассказывал о своей трудной молодости, об увлечении физикой и призах за лучшее исполнение бальных танцев. Рассказывал он и о своей жизни в Новосибирске, о яхте и свежих идеях.

Мне остается сказать немногое, но именно то слово, которое из песни не выкинешь. Не могу передать словами свое возмущение тем, что на Общем собрании Академии наук СССР было высказано предложение не утверждать Андрея Михайловича директором созданного им Института ядерной физики! Я узнал, что этому предшествовал вызов в Новосибирск академической комиссии для обследования Института ядерной физики. К чести комиссии, которую возглавлял академик Бруно Максимович Понтекорво, она поддержала Будкера! Немедленно и комиссия подверглась нападкам и обвинениям в беспринципности и кумовстве, и это несмотря на то, что трудно себе представить, как итальянец Понтекорво мог быть кумом уроженцу украинского села Андрею Михайловичу Будкеру.

Я далек от мысли сводить с кем-то счеты. Просто хочется осмыслить, почему здоровяк Будкер получает свой первый инфаркт в 50 лет от роду и умирает в расцвете таланта и душевных сил в 58 лет. Нет сомнения, что тревожения, описанные выше, укоротили жизнь Андрея Михайловича.

Грош цена нашим воспоминаниям, если мы будем писать их неискренне, с оглядкой на «внутреннего редактора», обходя острые углы и неприятные эпизоды. Не тому нас учил яркий, прямой и откровенный Андрей Михайлович.

Л. Б. Окунь

ВСТРЕЧИ С А. М. БУДКЕРОМ

«Ты знаешь, я нашел в „Теории поля“ Ландау и Лифшица ошибку», — говорит Андрей Михайлович на третьей минуте нашей первой встречи. Разговор происходит в начале лета 1953 года в редакции физики ВИНТИ. Редакция, как, впрочем, и весь Институт, недавно образована. Идет подготовка к составлению первого номера реферативного журнала. Андрей Михайлович пришел выяснить, может ли он заняться написанием рефератов: в ЛИПАНе (Лаборатория измерительных приборов АН СССР) его отстранили от работы, и ему нужны деньги. Он берет у меня три десятка статей почти по всем вопросам физики и обещает принести рефераты через две, максимум три недели...

В следующий раз мы встречаемся в конце 50-х годов: И. Я. Померанчук* поехал в ЛИПАН смотреть первые ускорители Будкера и взял меня с собой. Исаак Яковлевич не был большим любителем посещать экспериментальные установки. За те двенадцать лет, что я работал под его руководством, он ни разу не был ни на реакторе, ни на ускорителе Института теоретической и экспериментальной физики. Когда мы ездили в Дубну, он все время там тратил на обсуждения с физиками, к моей же страсти смотреть «железки» относился снисходительно. Так что сам факт поездки «Чука» на «ускорительные смотрины» Будкера был необычен, исключителен.

Несколько ускорителей в разной стадии готовности стояли на столах. Блестела красноватая зеркально-отшлифованная медь. Не верилось, что эти медные штуковины размером с большой таз для варки варенья действительно могут ускорять электроны. Андрей Михайлович с воодушевлением говорил о перспективах, о предстоящем переезде в Новосибирск.

Осенью 1967 года я приехал в Академгородок в командировку. Институт, созданный Андреем Михайловичем, поразил меня. Он резко отличался от всего, что мне приходилось видеть до этого. Высокой концентрацией талантливых физиков, молодостью, демократизмом, отсутствием безразличных людей. В центре всех дел был Андрей Михайлович — неиссякаемый генератор новых идей и проектов. («Курьер ЦЕРН»** писал, что идеи Будкера похожи на снопы искр, летающих с точильного круга.)

Андрей Михайлович показывал новый тоннель и рассказывал о проекте протон-антипротонных встречных пучков на 25 ГэВ (как неоднократно подчеркивали потом К. Руббия и Д. Клайн***, этот неосуществленный проект сыграл очень важную роль при решении вопроса о реализации церновского проекта, приведшего к открытию промежуточных бозонов). Во время обеда в старой столовой Дома ученых он принялся уговаривать меня переехать в Сибирь. «Будешь каждый год ездить за границу. И зарплата у тебя будет на 300 рублей больше». «Андрей Михайлович, а мне деньги не нужны», — гордо и не вполне честно сказал я. «Ну что ж, — улыбнулся он, — будешь отдавать их мне».

Вечером в своем коттедже, у ярко пылавшего камина он показывал альбомы с фотографиями, запечатлевшими визиты в Институт мировых знаменитостей: «Это Хрущев, а это я, это Де Голль, а это я». И обезоруживающе добавил: «Ты ведь знаешь, что я хвастун». Но с особой гордостью он показывал фотографию волейбольной команды, в составе которой играл.

В начале осени 1969 года я имел счастливую возможность много общаться с Андреем Михайловичем в Цахкадзоре, где про-

* И. Я. Померанчук (1913—1966) — физик-теоретик, академик. Создал школу физиков-теоретиков. Лауреат Государственных премий СССР.

** Журнал Европейского центра ядерных исследований в Женеве.

*** Карло Руббия — лауреат Нобелевской премии по физике. Дэвид Клайн — известный американский физик.

ходила Рочестерская конференция по ускорителям и где А. М. Будкер сделал обзорный доклад о встречных пучках. Мы гуляли по дорожкам спортивного комплекса, и он говорил о перспективах физики высоких энергий. Андрей Михайлович очень беспокоился, что столкновения протонов с протонами или антипротонами при очень высоких энергиях могут оказаться неинтересными из-за того, что адроны представляют собой «кашу». Магистральным направлением он считал электрон-позитронные встречные пучки.

Следующая запомнившаяся мне встреча была в «Узком»*. Андрей Михайлович чувствовал себя не очень хорошо. Он беспокоился о результатах предстоящих выборов в Отделении ядерной физики и позвонил мне, чтобы я приехал в «Узкое». Наш разговор был в основном о выборах. Андрей Михайлович относился к ним очень серьезно и старался найти разумный баланс в борьбе различных школ. В 1970 году перед голосованием Андрей Михайлович произнес очень убедительную речь о необходимости избрания А. Н. Скринского в действительные члены Академии наук СССР и заключил ее словами: «Единственный недостаток Александра Николаевича — это молодость. Но, как вы хорошо знаете, с возрастом этот недостаток исчезнет».

Помню разговор с ним в вестибюле московского Дома ученых, где обычно проходили (и сейчас проходят) собрания Отделения ядерной физики. Андрей Михайлович с энтузиазмом говорил о том, что хочет создать атом антиводорода, и спрашивал у В. Н. Грибова** и меня, интересен ли такой объект с точки зрения теории. Мы реагировали довольно вяло. И он энергично нас обругал.

Одна из моих последних встреч с Будкером произошла в его малогабаритной московской квартире на улице Вавилова. Андрей Михайлович лежал поверх одеяла, держался рукой за грудь. Он пожаловался, что болит сердце, что устал, что в Академгородке уже не может больше бороться с начальством, и неожиданно спросил, насколько реален был бы его переход с группой сотрудников на работу в ИТЭФ. Я думаю, что он просто хотел выговориться. Выглядел он очень утомленным. «Ты вот, наверное, думаешь, что главное — это принцип. А на самом деле, главное — это компромисс. Мир существует только благодаря компромиссу».

На меня смотрели мудрые глаза. Было очевидно, что он понимает гораздо больше, чем могут выразить слова.

* Небольшой санаторий АН СССР в Москве.

** В. Н. Грибов — физик-теоретик, член-корреспондент АН СССР.